
НАУКА В ЕЕ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

В. П. ВИЗГИН

НАУКА В ЕЕ ИСТОРИИ
ВЗГЛЯД ФИЛОСОФА

2-е издание

Издательский Дом ЯСК

УДК 101.8

ББК 87.3

В 42

Визгин В. П.

В 42 Наука в ее истории: взгляд философа. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 696 с.

ISBN 978-5-907290-21-1

В книге рассматриваются философские и методологические проблемы истории науки. В их основу положены результаты многолетних исследований автора категории качества в античности, а также идеи множественности миров и роли герметического импульса в генезисе новоевропейской науки. Важное местоделено проблеме интерпретации научно-философского текста, соотношению традиций и инноваций в науке, значению социальных структур и культуры как факторов развития научного знания. Последний раздел книги посвящен личным воспоминаниям об известных советских и российских философах и ученых, занимавшихся методологией и философией науки, с которыми автору посчастливилось вместе работать, и об интеллектуальной атмосфере эпохи подъема отечественных исследований в области методологии и философии науки и ее истории.

Книга предназначена для интересующихся историей и философией науки и историей исследований ее философских и методологических проблем в нашей стране в последние десятилетия XX века.

УДК 101.8

ББК 87.3

*В оформлении переплета использована картина
Доменико Фетти «Архимед», 1620 г.*

© В. П. Визгин, 2020

ISBN 978-5-907290-21-1

© Издательский Дом ЯСК, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
-----------------------	---

Раздел первый **Античная наука**

У истоков античной науки	13
Проблема множественности миров в учении Анаксагора	17
Механика и античная атомистика	37
Взаимосвязь онтологии и физики в атомизме Демокрита	118
Качества в картине мира Аристотеля	130
Аристотелевская теория тяготения: качественный подход	142
К проблеме генезиса учения Аристотеля о <i>δυνάμεις</i> (Meteor. IV)	153
«Метеорология» Аристотеля и современная наука	162
К анализу квализитивистского типа рациональности: случай Аристотеля	167
Бесконечное в мышлении греков: еще раз об одной известной проблеме	178

Раздел второй **Герметическая традиция и генезис науки**

Религия — наука — эзотерическая традиция: инверсия соотношения	189
Эксперимент и чудо: религиозно-теологический фактор генезиса науки Нового времени	210
Герметический импульс формирования новоевропейской науки: историографический контекст	234
Герметическая традиция и научная революция: к новой интерпретации тезиса Френсис А. Йейтс	259
Эзотерика и наука: эффект резонанса	266

Раздел третий **Научная рациональность и эпистемология**

Становление научной рациональности в химии	281
Нестандартные формы знания в истории науки: квализитивизм, плуралистическая космология, герметизм	311

Научный текст и его интерпретация	335
Традиция и инновация: взгляд историка науки	347
История и метаистория	364
Проблема времени: синергетический подход	382
Археология знания Мишеля Фуко	391
«Генеалогия знания» Фуко как программа анализа научного знания	411
Последний Звенигород: рациональность под прицелом	426

Раздел четвертый
Научный разум в контексте культуры

Истина и ценность	449
Культура — знание — наука	464
Наука — культура — общество	478
Наука и культура: размышления о их взаимосвязи	491
Вернер Гейзенберг о соотношении искусства и науки	503
Границы новоевропейской науки	525
Энтелехия культуры	553

Раздел пятый
Воспоминания, заметки к научной автобиографии

Игорь Алексеев, каким я его помню	575
Мы все его так любили: вспоминая Мераба Мамардашвили	581
Вспоминая Вячеслава Семеновича Степина	593
Иван Дмитриевич Рожанский (30.09.1913–25.08.1994)	595
Вспоминая Регину Карпинскую	597
Химия как <i>amor Dei</i>	607
Предисловие ко второму изданию книги «Генезис и структура квалитативизма Аристотеля»	635
«Книги Койре стали для меня настоящим потрясением...»: Беседа с Аленом Сегоном	642
Оглядываясь назад с томом Зубова в руках: Опыт интеллектуальной автобиографии	659
В поисках Другого: опыт философской автобиографии	667
Список публикаций В. П. Визгина 1964–2020	679

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга складывалась постепенно, отдельными журнальными статьями, заметками и публикациями в сборниках, создававшимися в годы отечественного «штурма и натиска» в истории, философии и методологии науки. Речь идет главным образом о 70–90-х годах XX века. Ее автору посчастливилось тесно общаться, сотрудничать и вместе работать в разных «форматах», включая неформальные, с такими яркими фигурами той эпохи, как М. К. Мамардашвили, В. С. Библер, Р. С. Карпинская, И. Д. Рожанский, В. И. Кузнецов, М. А. Розов, Н. Ф. Овчинников, И. С. Алексеев, П. П. Гайденко... Это только некоторые имена известных ученых, историков науки и философов, непосредственно занимавшихся методологией и философией науки, в том числе фундаментальными проблемами естествознания и его истории, с исследования которых и начиналась научно-философская деятельность автора этой книги. Последний, пятый, раздел книги посвящен как раз личным воспоминаниям об этих выдающихся ученых и тех идеях, которые волновали их и автора этой книги, считающего себя не только их коллегой, но, в некоторых отношениях, и учеником.

Что же касается остальных разделов книги, то их содержание определяется доминантными темами, попадавшими в фокус исследовательского интереса автора, начиная с оппозиции античной атомистики и качественного типа рациональности, представленного физикой Аристотеля. Накопленный ранее опыт историко-научных и историко-философских исследований конкретных проблем (проблемы качества у Аристотеля, проблемы множественности миров и вклада герметизма в научную революцию) подвергается здесь методологической рефлексии. Извлечение уроков из проделанных исторических исследований позволило сделать теоретико-методологические выводы, составившие основу собственно эпистемологических разделов книги. Таким образом, исторический ракурс проблематики книги органически дополняется теоретико-методологическим с его вопрошанием о структуре научной рациональности, ее исторической динамике и типах. Важное место здесь занимают такие сюжеты, как проблема интерпретации научно-философского текста, а также соотношение традиций и инноваций в науке, значение социальных структур и культуры как факторов развития научного знания. Кроме того, в этих разделах анализируются некоторые новые в те годы течения в эпистемологии, в частности структурализм и постструктурализм, остающиеся значимыми и сегодня.

Итак, в собранных в этих разделах работах звучат уже собственно эпистемологические и методологические отклики на результаты уже проделанных ранее исследований истории познания. При такой общей содержательной структуре книги

повторов крайне трудно избежать. Только когда материал буквально дублировался в разных статьях, автор не включал их в книгу. Не были (за одним исключением) включены в книгу и те статьи, которые уже публиковались не в журналах и сборниках, а в уже вышедших монографиях автора.

Современному читателю будет, пожалуй, уместно напомнить, что теоретической основой дискуссий по истории, методологии и философии науки в те годы была деятельностьная концепция творчества и развития науки. Корни ее лежали в классическом немецком идеализме и философии Маркса. При этом никакого идеологического догматизма среди исследователей, вовлеченных в это «кооперативно» осуществлявшееся познание науки, не было. Напротив, присутствовала питающая творческие возможности каждого открытость ко всем «вениям», которые в то время были у нас и на Западе и казались интересными и продуктивными. Максимум исследовательской свободы от идеологических шор сравнительно с другими направлениями тогдашней советской философии был именно в истории и методологии науки.

Вспоминая дискуссии вокруг темы рациональности и истории, которые велись у нас в 70-х — начале 90-х годов прошлого века, понимаешь их актуальность. Да, сегодня некоторые ее аспекты выходят на новый уровень, появляются иные, чем прежде, ракурсы ее анализа. Но такие проблемы, как рациональность и культура, рациональность и традиция, рациональность и ее границы, рациональность и язык, остаются в исследовательской повестке и сегодня.

Память — начало динамическое и творческое, устремленное в будущее. Бытие не материя, бытие — время. А потому бытие — память. Философы пришли к ясному пониманию этого не сразу. Порой кажется, что вся философия, и не только она, но и наука, шла к этому с самого начала своей истории. В прошлом эту мысль с особенной силой, глубиной и определенностью формулировали такие в целом несхожие между собой философы, как Гераклит, Бергсон и Хайдеггер. Если теперь от философии перебросить взгляд на собственно науку, то в ней и оклон научном методологическом и идеологическом пространстве, ее сопровождающем и поддерживающем, эта идея стала доминировать с тех пор, как в центр исследовательской повестки дня вышла синергетическая идея во всех ее видах.

Человек, видимо, то существо, которое особенно чутко чувствует бытийную природу времени (или темпоральную природу бытия). Материальный мир вещественных форм предстает для него «покрывалом» времени. Именно только само время, скрываясь за вещами, наполняющими пространство и отсылающими на первый взгляд лишь к «материи», которую до открытия метафизического приоритета времени предполагали определяющей свойства и взаимодействия вещей, ставит нас лицом к лицу с тайной существования как такового, преломленного сквозь собственное бытие человека, его «экзистенцию», *Dasein*.

Эта книга по сути дела именно об этом, о том недолгом времени интеллектуального натиска размером примерно с тридцать — сорок лет, отзвучавшем в последней трети прошлого века. И возникла она в те годы плодотворных поисков в истории и методологии науки, о которых в последнее время появилось уже немало

воспоминаний и даже исследований. Кстати, лучшие мемуары, написанные мыслителями русского Серебряного века, принадлежат, на мой взгляд, Федору Степуну. Называются они «Бывшее и несбыточное». Так вот, в упомянутом подъеме отечественной истории, методологии и философии науки роль скрытого генератора интуиций и идей принадлежала, так же как у Степуна, «несбыточному». Внутри времени всегда есть «сверхвремя», которое никогда до конца не реализуется. Если бы время в своем «натиске» реализовало бы себя всегда до конца, «до упора», то оно остановилось бы в своем «беге», без которого нет самого времени как такового. Так и в пережитом нашим поколением времени была некая недостигнутая до конца цель, несбыточая полностью мечта, греза о каком-то необыкновенном прорыве как в познании природы, так и в познании природы самого познания. Случилось то, что случается всегда: время сменило свой «дух», стиль, «окраску», став другим. Возникли другие, не ожидавшиеся нами «целостности» и «дробности», сменившие пейзаж прежней интеллектуальной жизни. В глубине времени как бы дремлет очередная «сингулярность». В одной из самых известных своих картин Репин отсылает зрителя к художественному образу такой подремывающей сингулярности («Не ждали»). Напрасно пытаемся мы исчерпать и «заклясть» эмержентность времени, его вспышки, дискретные «выбросы», «возвраты» и «повороты» постфактуальной линейностью и непрерывностью. В цепи якобы континуальных причинно-следственных цепочек, ведущих к изменениям, нам никогда не разобраться до конца. Подобная линеаризация того, что в принципе нелинейно, нереализуема в своей полноте. Такова уж природа времени. И бытия. Можно сказать, что у нас нет по-настоящему соразмерного времени другого предмета познания. Все, что мы узнаём и познаём, всегда отсылает в конце концов ко времени. И только к нему. Поэтому правыми оказываются такие философы, как Гераклит, Бергсон и Хайдеггер. А «неподвижное солнце Любви», которое при этом невозможно отрицать, потому и неподвижно и вечно, что запредельно этому миру.

Дыхание времени читатель ощутит и в этой книге. Ведь в нее помещены тексты, написанные как в начале 70-х годов XX века, так и в прошлом году. Все они заново считаны, слегка отредактированы, некоторые сокращены. Но в целом остались в таком виде, в каком были созданы в то, далекое уже, время. Пусть взгляды их автора претерпели изменения. Но подверстывать под них эти тексты я не стал. Только слегка облегчил их понимание для современного читателя.

Хочу выразить признательность за поддержку и стимулирование моей работы чл.-корр. РАН П. П. Гайденко, директору Института философии академику РАН А. В. Смирнову, а также уже ушедшем из жизни коллегам и друзьям, о которых читатель прочтет в этой книге.

Февраль 2020 г.

